

Литературная
РОССИЯ

ПРЕКРАСНАЯ ЛЕГЕНДА КАЧАЛОВА

ЛЮДИ РУССКОГО
ИСКУССТВАОльга АНДРОВСКАЯ,
народная артистка СССР

Василий Иванович Качалов — это легенда о прекрасном, каким может быть и каким должен быть Человек и Артист. Он давно ушел от нас, но кажется мне, что совершится чудо, и я снова увижу дорогого и так нежно любимого «дядю Васю», как все мы его звали, идущим по улице Горького своей медленной величавой походкой. Глаза его устремлены чуть поверх людей, куда-то вдаль, словно он видит то, что не открыто еще другим.

А вот днем сидит Василий Иванович в театральном буфете, в его руке папироса, которую он время от времени какими-то плавными бесконечными движениями подносит ко рту. Вокруг него молодежь, актеры с азартом о чем-то рассказывают. Слушает он, изредка вставляет очень меткие замечания, иногда спорит, не соглашается, но всегда с громадным тактом к собеседнику. А в это время глаза его опять-таки устремлены чуть поверх людей, и в них — мудрый мир его мыслей о людях и жизни...

Любили мы его крепко и глубоко. Он очень дружил, именно дружил с нами и умел быть другом.

Какое счастье было прийти к нему, в его гостеприимно раскрытый дом, провести с ним целый вечер, послушать его удивительное чтение. Он любил читать, это было его потребностью, которой он щедро делился со всеми, кто хотел его слушать. Он читал, как птица, поющая свою удивительную песню. Слушаешь его голос, проникновенное его чтение и вместе с ним уносишься в мир прекрасного, поэтичного, а иной раз и страшного.

А потом бывал долгий интересный разговор и спор о прочитанном.

Быстро пролетает вечер, и чувствуешь, как становишься лучше, выше, чище от общения с этим удивительным человеком, словно ты зачерпнула и выпила ковш родниковой воды.

Мне выпало великое счастье участвовать с ним в спектаклях. Помню, как сейчас, мое ощущение актрисы и исполнительницы роли Лизы в «Горе от ума». На сцену вбегал, именно вбегал Чацкий — Качалов, я замирала от восхищения, видя его счастливые, молодые, полные любви и надежд глаза, обращенные на Софью. Всегда слезы выступали у меня, когда он ласково глядел на меня, Лизу, крепостную девочку, и гладил по голове. С какой признательностью я ловила эту прекрасную руку и целовала ее. Не знаю, чего было больше в этом поцелуе — поклонения актрисы или моей героини перед божеством, которое можно увидеть раз в жизни.

Кончалась моя сцена. Я стояла за кулисами и, как завороченная, смотрела и слушала его. Слушала музыку слов, музыку неповторимого его голоса, ощущала всю глубину и благородство его мысли.

А вот другая роль — Гаев в «Вишневом саде». Я играла Раневскую. Мне пришлось в ускоренном порядке войти в этот спектакль, естественно, что я очень волновалась. И с какой же благодарностью я вспоминаю поддержку Качалова — добрую и ласковую. Здесь словно слились воедино помощь старшего товарища и нежная любовь брата.

Ах, какие у него были глаза, у Гаева! В них, беспомощных и добрых, виделся весь мир человека, наивно не понявшего, как же так случилось: состояние и жизнь — все прожито «на леденцах».

Я играла с Качаловым последний в его жизни спектакль — именно «Вишневый сад». Он уже тогда был тяжело болен. И не могу я забыть, как, сидя с ним перед выходом на сцену, я спросила, как он себя чувствует. Он глубоко и неимоверно скорбно посмотрел мне в глаза, обнял меня за плечи и тихо сказал: «Скоро конец, Олечка». Видимо, знал он, догадываясь о своем состоянии, но не хотел показывать никому вида.

Бесконечная щедрость его сердца была не меньше щедрости его души художника. Я не помню случая, чтобы он отказал кому бы то ни было в помощи, будь то совет или хлопоты, заступничество или материальная помощь. А как же он умел радоваться успеху молодого актера, как он умел поздравить, и обласкать, и сделать из этого успеха праздник.

Величие и благородство души его сказывались и в том, что он никогда не завышал молодому успеху и молодости, а умел он принимать ее и радоваться ей. Не знаю, сумели ли мы взять хоть немного из громадного кладезя глубокой культуры души этого великого актера и человека.

Но счастье для нас, дар жизни, что мы встретились с ним на его жизненном и актерском пути.

Василий ОРЛОВ,
народный артист СССР

О нем пишут книги. О нем много написали и будут писать. И это верно и важно. Только в больших и умных книгах и можно как-то раскрыть Качалова-художника, метод его работы, его особенность как актера и чтеца необычайной силы.

Только в таких исследованиях можно охватить взглядом особую страну, которую можно назвать «страною героев Качалова». Среди них были люди благородные и высокие — Бранд, Карено, Вершинин, Тузенбах, и низкие — Захар Бардин, Барон...

Первые завоевали зрителя удивительной цельностью, особой органичностью и правдой своего благородства. Вторые вызывали ненависть, но все же, несмотря ни на что, покоряли свидетелей, сидевших в зале, не как люди, а как великое создание, как произведение великого искусства актера. И Качалов всегда при этом был Качаловым, присутствовавшим в каждой из своих работ ценнейшей стороной своей натуры — человеческой щедростью; при этом открытость, прозрачная доверчивость к уму и такту зрителя, к его эстетическому чувству никогда не изменяли Василию Ивановичу. В этой открытости людям, доступности без заигрывания, простоте без простецкости, щедрости без счета его можно поставить рядом разве только со Станиславским.

Серафима БИРМАН,
народная артистка РСФСР

В годовщину рождения человека думаешь о его детстве, о призвании, уже сказывающемся в ребенке... Первыми сценическими подмостками будущего Качалова был высокий объемистый шкаф. Первым театральным костюмом — отцовская священническая ряса. Материнский медальон с блестящим камешком, каким-то хитрым способом прикреплённый к волосам, способствовал полному перевоплощению десятилетнего мальчика в «дух отрицания, дух сомнения», — так безраздельно владел его душой образ Демона после посещения оперы — создания Лермонтова и Рубинштейна.

Что с того, что Васиная голова касалась потолка? Он не ощущал этого: где-то в поднебесной высоте плыли гряды облаков, а он с «горных вершин» взирает на мир у его ног, взирает с презрением, с ненавистью...

Наполняя всю квартиру мальчишеский голос, тогда уже хриплый и ломкий, но чудесный: «Проклятый мир!» или: «Я тот, кого никто не любит, и все живущее

В. И. КАЧАЛОВ в гриме и костюме Чацкого. 1938 год.

клянется...» А «все живущее» в квартире, хотя и горячо любившее мальчика, во время этих представлений действительно кляло артиста: няня Гануська гнала его со шкафа, замахиваясь пыльной тряпкой, или пыталась задеть его шабром на длинной палке, собачка Фиделька исходила лаем и воем, будто вторя руладам голоса своего повелителя.

Мать же, опасаясь аварии, стонала: «Ну что ты с ним будешь делать — помешался на театре... несчастный!» Мать разглагольствовала сердцем меру страсти своего ребенка к театру, но, не разгадав его будущего, стонала: «Несчастный!»

Не знала она, какое безмерное счастье даровала ее сыну эта страсть, не знала, какая победительная сила делать счастливыми зрителей была у мудрого, человеческого, вдохновенного артиста!

В миллионах зрительских сердец жив Качалов. В чем же власть его над людскими сердцами? Почему от Качалова нельзя было отвести глаз, пока он на сцене? Почему долго не разлучалась с ним мысль и после спектакля?

Не потому ли, что, какую бы полноту внешней и внутренней характеристики ни сообщал Качалов своему сценическому образу, какую бы независимость от себя ни даровал своему совершенному творению, — в художественном образе всегда светилась неповторимая творческая сила Качалова-человека в союзе с Качаловым — великим актером.

Только истинному художнику под силу правдой и поэзией искусства вызывать в читателях, зрителях, слушателях высокий духовный подъем. Таким художником — творцом, властелином мыслей и чувств народа — был Василий Иванович Качалов.

Веера МАРЕЦКАЯ,
народная артистка СССР

Спектакль «У врат царства». Уже немолдой Качалов играет Карено, молодого, пылкого, бесстрашного... Его Карено был наивен и беспомощен, мягок и отрешен от мира. Но Качалов играл Карено — человека, который никогда не изменит главному в себе — своей вере и своим убеждениям.

Притягательная сила созданного им образа была так велика, что я до сих пор помню глаза Карено, его походку, его тротек против несправедливого и тупого мира, который окружал его, пытаясь сломить...

Я помню Качалова, нашего старшего товарища, простого и прекрасного человека, приходившего в наш молодой театр.

Удивителен был этот человек — никто рядом с ним не чувствовал себя ниже его, хотя все мы сознавали величие и благородство качаловского облика. Его душевность, такт, скромность и, я бы сказала, редкая деликатность подымали людей, встречавшихся с ним...

Душевно красивый человек. Вот те слова, которые приходят мне в голову, когда я вспоминаю о Василии Ивановиче. Таким видели его зрители, таким помнят его те, кому лично посчастливилось знать Качалова — рыцаря в искусстве и в жизни.

Владлен ДАВЫДОВ,
заслуженный артист РСФСР

Помню, как Качалов пришел к нам, в школу-студию МХАТ, и тогда-то мы, студийцы, познакомились с ним близко, долго беседовали с артистом, а потом он стал читать... Больше пятидесяти стихотворений прочел он тогда и еще сцены из «Гамлета», «Трех сестер», монолог Анатомы... И все это вот так просто, без парадности, а как бы по-дружески делясь вдохновенными мыслями и чувствами, выраженными в этих стихах, мыслями и чувствами, которыми он сам был наполнен и хотел передать их нам. Это было откровение великого артиста. В одну из встреч Василий Иванович подарил нам свой портрет с надписью: «Хочу верить, мои юные друзья, что наша школа-студия поможет вам стать сильными в искусстве и счастливыми в жизни. Ваш В. Качалов».

По-разному сложилась судьба каждого из окончивших студию МХАТ, но, думаю, что если когда-нибудь кто-то из нас был сильным в искусстве и счастливым в жизни, то в этом большая заслуга великого народного артиста Василия Ивановича Качалова.

Для меня лично Василий Иванович, с которым я встречался последние пять лет его жизни, был идеалом артиста, человека и художника-гражданина.

Сейчас, когда мы отмечаем 90-летие со дня рождения В. И. Качалова, хочется сказать о нем словами шекспировского Гамлета: «Человек он был — человек!»

В. И. КАЧАЛОВ в Барвихе. 1939 год.

Виталий ВИЛЕНКИН

На вчерашнем листке календаря — 90-летие со дня рождения великого русского актера Василия Ивановича Качалова.

С нами остался только его голос, пленительный даже в прозаическом несовершенной фонограмме, а его живой образ сохранился только в немногих драгоценных кинокадрах. Но он продолжает жить, он участвует в нашей жизни. Это не фраза. И это больше чем благодарные воспоминания.

Качалова помнят, любят и чтят те счастливые люди, которые воочию видели его в прославленных ролях на сцене Художественного театра, и те, кому довелось присутствовать на знаменитых по всей стране «качаловских концертах». В их жизнь Качалов вошел непосредственно, неотразимо и, конечно, навсегда: ведь он заставлял их радоваться и плакать, он их тревожил и возвышал над обыденщиной, духовно воспитывал и вел за собой. Недаром Качалов всегда был кумиром своих молодых современников.

Но вот что замечательно: сегодня обаяние Качалова, прекрасная «качаловская легенда» влечет к себе и ту молодость (далеко не только театральную), которая его совсем не знала, не успела встретиться с ним. Отбрасывая мертвящую почитательность, молодое поколение наших дней включает облик Качалова в свой внутренний мир, ищет живых соприкосновений с качаловской беспоконной, вечно ищущей творческой мыслью, с его мечтами и преодолениями, с его подвигом. Нашей сегодняшней молодежи он действительно нужен. Ей нужно вместе с ним заново открывать для себя и Пушкина, и Шекспира, и Льва Толстого, и Блока, и Маяковского, и новые горизонты совсем еще юной поэзии; ей близка его бесстрашная самокритика перед лицом призвания; ей сродни его ненависть ко всякому застою и его обостренное, жадное чувствование современности. Ей с ним по пути и в искусстве, и в жизни.